

**ЦВЕТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ «ПОЭТА-ХУДОЖНИКА» М. А. ВОЛОШИНА
THE COLOUR SPASE AS A REFLECTION OF HISTORICAL
CONSCIOUSNESS OF M. A. VOLOSHIN – A «POET-ARTIST»**

Аннотация: В статье рассматривается семиотичность цветового пространства М. А. Волошина, запечатленная в его поэтических и живописных полотнах и отразившая историческое сознание «поэта-художника». На основе изучения взаимодействия поэтического и художнического начал, путем сопоставления стихотворений дореволюционных и послереволюционных лет, составивших циклы «Киммерийские сумерки» и «Пути России», и живописных работ делается вывод об особенностях преломления исторического опыта М. А. Волошина в цветовой палитре произведений.

Ключевые слова: историческое сознание; «поэт-художник»; лирический герой; цветовое пространство лирики.

Abstract: The article dwells upon the semiotics of the colour space of M. A. Voloshin expressed in his poetic and pictural canvases and reflected the historical consciousness of the «poet-artist». The conclusion about the specific aspects of the interpretation of the historical consciousness of M. A. Voloshin in his coloured range of works was made on the basis of the investigation of the interrelation of his poetic and artistic images through the comparison of his pre- and post-revolutionary poetic cycles «Cimmerian Twilight» and «Russian Ways».

Keywords: historical consciousness; «poet-artist»; lyrical hero; colour space of lyrics.

Творческое наследие М. А. Волошина, личности многогранной и неординарной, поэта и художника, переводчика, литературного и художественного критика рубежа XIX–XX веков, для которого жизнь стала «бесконечным познанием» мира, людей, себя самого, вызывает интерес исследователей-литературоведов, искусствоведов, культурологов именно потому, что в нем органически переплелись художественное и художническое, поэтическое и живописное начала. Не менее интересно в наследии М. А. Волошина то, что дает представление о специфике исторического сознания переломной эпохи, что сплелось в образности поэтических и живописных полотен и запечатлело дух времени.

Войны и революции, обрушившиеся на Россию в начале XX века, стали рубежами и в жизни поэта-художника М. А. Волошина, сформировали его художе-

ственный мир и взрастили историческое сознание человека переломного времени. В исторических противостояниях М. А. Волошин ничью сторону не принимал, он был сторонником человечности. Как отмечает Л. А. Колобаева, «... творчество Волошина, как и само его жизненное поведение в годы гражданской войны в России, было одним из ярчайших и, может быть, уникальных образцов противостояния стихии насилия и выражением примиряющей позиции» [3, с. 235].

Стихотворения М. А. Волошина революционных и первых послереволюционных лет, наиболее зримо отразившие его историческое мышление этого времени, вошли в цикл «Пути России» (1905–1923). Однако если в стихотворениях цикла «Киммерийские сумерки» (1906–1909) лирического героя волновало собственное душевное состояние, то теперь его внутренние переживания связаны с судьбой России.

Известно, что период революции у М. А. Волошина-художника связан с выбором единственной техники – акварельной живописи: «Война, а потом революция ограничили мои технические средства только акварелью. У меня был известный запас акварельной бумаги, и экономия красок позволила мне его продлить долго», – пишет поэт-художник [2, с. 166].

Живописные полотна 1917 года – это образ Киммерии. Не секрет, что Коктебель всегда был для поэта и художника М. А. Волошина местом обитания его музыки, тем заветным уголком, где он находил покой и душевное равновесие. Так, в дореволюционном поэтическом цикле «Киммерийские сумерки» единство лирического героя и природы явлено в строках:

Костер мой догорал на берегу пустыни.

Шуршали шелесты струистого стекла.

И горькая душа тоскующей полыни

В истомной мгле качалась и текла.

«Полынь», 1907 [1, с. 42].

Однако, ощущая близость с природой, лирический герой осознает своё одиночество:

Дитя ночей призывных и пытливых,

Я сам – твои глаза, раскрытые в ночи

*К сиянью древних звезд, таких же **сиротливых**,*

Простерших в темноту зовущие лучи.

«Полынь», 1907 [1, с. 42].

«Сиротливый» лирический герой остается наедине с природой. Перед его взором – «равнина», «гора», «пустыня», «яр», пустошь («голые скалы», «пустынные пески», «безлесны скаты гор», «пустынный кряж земли» и т. д.). Такое видение соотносится и со словами самого поэта-художника о технике в живописи: «В акварели не должно быть ни одного лишнего прикосновения кисти. Важна не только обработка белой поверхности краской, но и экономия самой краски, как и экономия времени...» [2, с. 167].

Как художник, М. А. Волошин создает в «Киммерийских сумерках» многоцветную палитру: от разных оттенков синего (сизый, голубой, чернильно-си-

ний), желтого и коричневого (рыжий, горелый, ржавый, золотой, бурый, бронзовый), розового и красного (цвет роз и меда, лиловый, алый) до множества оттенков серого (дымчатый, дымный, седой, серебряный):

*Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.*

«Старинным золотом и желчью напитал...», 1907 [1, с. 44].

Часто темные тона в пейзаже указывают на состояние грусти:

*И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.*

«Здесь был священный лес...», 1907 [1, с. 44].

Оно сопровождается и подходящим временем суток – полночь, вечер («Полынь», «Здесь был священный лес...», «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...»). Приподнятое настроение, душевное равновесие характеризует светлое время суток, утренние часы:

*Вверх обрати ладони тонких рук —
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!*

«Равнина вод колышется широко...», 1907 [1, с. 45].

В «Киммерийских сумерках» контуры пейзажа размыты, будто художник рисует на полотне акварелью («Старинным золотом и желчью напитал...» (1907), «Здесь был священный лес...» (1907), «Равнина вод колышется широко...» (1907), «Травую жесткою, пахучей и седой...» (1907), «Гряды холмов отусклил марный иней...» (1909) и др.). Эффект размытости создают не только соответствующие эпитеты, но и образы тумана и дыма:

*Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и орарях.*

«Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...», 1907 [1, с. 43].

К сожалению, живописных работ дореволюционного периода сохранилось немного, что объясняется чрезвычайной занятостью М. А. Волошина поэтическим творчеством, а также журнальной работой. Большинство пейзажей на тему Коктебеля относится к 1920-м годам. Однако известно, что М. А. Волошин «рисовал с натуры только мысленно»: «Ни один пейзаж из составляющих мою выставку не написан с натуры, а представляет собою музыкально-красочную композицию на тему киммерийского пейзажа. Среди выставленных акварелей нет ни одного «вида», который бы совпадал с действительностью, но все они имеют темой Киммерию» [2, с. 167].

Вначале, как записывает М. А. Волошин, он рисовал темперой на больших листах картона [2, с. 166], затем работал гуашью, масляными красками и акварелью. Е. А. Скоробогачева отмечает, что картины М. А. Волошина представляли собой панорамные виды восточного Крыма – серию работ, скрепленных одной

тематикой, но допускающих различные вариации [4, с. 48]. Художник изображает жемчужные дали «Окрестностей Коктебеля» (1910-е), бескрайность светлых облаков над «Крымским пейзажем». Названия картин дореволюционного времени пока поэтичны, они образуют облик земли, столь любимой художником-поэтом: «По дороге в голубые горы», «Неторопливые беседы идущих под гору дерев», «Молчат в предвечном покое / Дорога, холмы и кусты...». Примечательно, что названиями пейзажей могли стать и стихотворные строки: «Пройди по лесистым предгорьям, / По белым песчаным тропам / К широким степным лукоморьям, / К звенящим моим берегам...».

Эпоха исторических катаклизмов накладывает заметный отпечаток на семиотичность пространства М. А. Волошина-художника: спокойная цветовая гамма сменяется резкими переходами от одного цвета к другому, пейзаж наполняется новыми массивными объектами: небо изрезано облаками и тучами. Таковы работы «Астма» (1917), «Мигрень» (1917), названия которых символизируют болезненность, психологическую нестабильность исторической эпохи, отпечатавшейся в сознании и творчестве М. А. Волошина. Стоит заметить, что более поздние картины, написанные в 1920-е годы, свидетельствуют о возвращении к тому, что цветовое пространство вновь обретает спокойные пастельные тона, лишённые резких переходов, а в живописных образах, как и прежде, проступает таинственность, спокойствие Коктебеля («Ажурный пейзаж», 1921; «Небесные лучи», 1921; «Коктебельские сны», 1923; «Лягушачья бухта», 1924; «Ненастный день», 1927; множество миниатюр конца 1920-х годов).

Пространство земли, как и до революции, – это равнины, поля, степи, пустыни. Однако земля уже не место одиночества, а поле боя. Киммерийская степь становится «тёмной», покрывается могильниками «без имен, без конца, без числа...» («Дикое поле», 1920), а на равнине «среди могил бродил огонь и клубы дыма» («Преосуществление», 1918). Нет покоя земле, даже по ночам разгораются костры, «раздуваются обозами тропы перегруженных степей» («Дикое поле», 1920).

В стихотворные пейзажи вводится такое природное явление, как ветер, который представлен по-разному: от вихря («Дикое поле», 1920), метели («Благословение», 1923), урагана («Китеж», 1919) до смерча («Из бездны», 1918). Этот традиционный символ русской литературы, ставший выражением общего восприятия исторических событий, – свидетельство проявления в художественном творчестве исторического сознания самого М. А. Волошина.

Время суток в цикле «Пути России» разное (ночь, рассвет, день), но предпочтение отдается тёмному времени, ночи и мраку как символическому выражению хаоса будней:

*В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простерт
Перед лицом германских орд,
И Гот теснил и грабил Грека...*

«Преосуществление», 1918 [1, с. 162].

Независимо от времени суток в цикле «Пути России» лейтмотивными выступают образы дыма, тумана, мглы, которые также отражают особенности исторического сознания писателя, характеризуют мрачную безбожную эпоху бесовского произвола:

*Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы – это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.*

«Демоны глухонемые», 1917 [1, с. 160].

Таким образом, семиотичность цветового пространства «поэта-художника» и «художника-поэта» М. А. Волошина дореволюционного и революционного периодов отражает историческое сознание самого автора, сформированное сложной эпохой рубежа XIX–XX веков.

Библиографический список

1. Волошин, М. А. Всемирная библиотека поэзии. Избранное / М. А. Волошин. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1996. – 448 с.
2. Волошин, М. А. Путник по вселенным / М. А. Волошин. – М. : Сов. Россия, 1990. – 384 с.
3. Колобаева, Л. А. Русский символизм / Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 296 с.
4. Скоробогачева, Е. А. Максимилиан Волошин / Е. А. Скоробогачева. – М. : АРТ-РОДНИК, 2012. – 96 с.